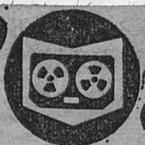

СПРАШИВАЕМ —

ОТВЕЧАЮТ...

Евгений СИМОНОВ:

«ПРЕДУВСТВОВАТЬ

БУДУЩЕЕ»

Сегодняшнее признание Евгения Багратионовича Вахтангова — безусловное и непоколебимое — не только в том, что он создал знаменитые свои спектакли «Принцесса Турандот», «Чудо святого Антония», «Поп», но и в том, что он породил коллектив единомышленников, создал свой театр. Школа Вахтангова ведет свое начало с 1914 года, и так случилось, что эта школа старше театра, который открылся в 1921 году. Новой драматургией тогда был буквально пронизан воздух. Но для создания и воплощения этой драматургии нужен был оркестр виртуозов, оркестр, рожденный революцией, требующий иной техники, обладающий чувством времени, острым и точным ощущением современности. Таким создавал Вахтангов свой театральный коллектив.

— Я всегда с благоговением и благодарностью вспоминаю первую плеяду вахтанговцев, вышедших на знаменитый парад «Принцессы Турандот», — говорит главный режиссер театра народный артист СССР Евгений Симонов, — как же подобраны были люди, ведь каждый представлял собой интереснейшую индивидуальность! На этот парад вышел Борис Щукин, которому еще предстояло сыграть В. И. Ленина; вышел Юрий Завадский, многолетний руководитель Театра имени Моссовета; в этом параде участвовал Рубен Симонов, тридцать лет руководивший вахтанговским театром после смерти Евгения Багратионовича; вышла знаменитая Цецилия Мансурова...

Мы же прямые ученики, сыновья создателей вахтанговского театра. Они передали нам факел непосредственно из рук Вахтангова, из уст Вахтангова.

— Евгений Рубенович, вы лучше других знаете, что вокруг вахтанговского театра всегда собирались талантливые антеры. Великолепные режиссеры работали на его сцене: Алексей Попов, Николай Охлопков, замечательные художники — Владимир Дмитриев, Петр Вильямс, Мартирос Сарьян. Музыку и спектаклям писали Кабалевский, Асафьев, Хренников, Молчанов...

— Да... А Шостакович принес нам своего «Гамлета», затем написал музыку к спектаклю «Человеческая комедия». К 80-летию со дня рождения Дмитрия Дмитриевича мы задумали большой спектакль под условным названием «Театр Шостаковича». Сюда могут войти фрагменты музыки, которую он писал специально для Театра имени Евг. Вахтангова, конечно же, для «Клопа» Маяковского в постановке Мейерхольда, и некоторые другие его сочинения. Мне этот спектакль видится как совместная работа театра и симфонического оркестра Геннадия Рождественского. Литературным редактором будет вдова Дмитрия Дмитриевича — Ирина Антонова, Шостакович.

Я не могу не вспомнить сегодня 21 июня 1941 года — последний день мира. Тогда у нас в театре впервые прозвучал вальс — знаменитый вальс из «Маскарада». Мы еще не знали тогда, что он будет исполняться со всех концертных эстрад мира, но подсознательно ощущали его как предчувствие, преддверие тех грозных дней, которые наступали. В этом вальсе дышит время. Это вальс 41-го года... а не только вальс Арбенина и Нины.

После войны на сцену Театра имени Евг. Вахтангова пришли артисты моего поколения — Юрий Яковлев, Михаил Ульянов, Владимир Этуш, Юлия Борисова и Лариса Лашкова, Николай Тимофеев и Александр Граве... «Старики» тогда как бы усту-

пили нам место. Это был жертвенный поступок со стороны Рубена Симонова, Андрея Абрикосова и других. Мы приняли эту жертву, боюсь, что даже не сразу оценили ее... Но так или иначе это дало нам возможность стартовать...

— ...И вы стартовали — сразу и смело. Ставили «Два веронца» Шекспира, «Город на заре» Алексея Арбузова — в этом спектакле вышло почти все ваше поколение...

— Да, это были большие театральные бои! Вот на днях я был в нашем музее. Меня спросили: «Сколько, Евгений Рубенович, вы думаете, вы сделали спектаклей?» Я говорю: «Ну, наверное, тридцать—сорок, может быть, под пятьдесят». Оказалось — сто три. Сто три постановки! Это меня заставило призадуматься. С другой стороны, если считать, что я сорок лет работаю в театральном искусстве, то в среднем получается по два-три спектакля в год — вполне нормальная «выработка». Но сколько за этим слез, страданий, отчаяния, битв, побед, поражений, бессонных ночей, поисков, редких радостей! И каждый раз, начиная работать, ты ничего не знаешь заранее и не чувствуешь себя мастером, напротив — каждый раз кажется, что не получится, и каждый раз вновь сдаешь экзамен...

— ...Как на первом курсе?

— Именно, как на первом курсе. Кстати, об экзаменах. Наше поколение как-то незаметно в один прекрасный день стало старшим поколением в театре. Сегодня все мы — уже профессора и доценты Щукинского училища. И наш долг — воспитывать новое поколение артистов и режиссеров. Сейчас в театре очень много молодежи, причем мы гордимся тем, что у нас в коллективе нет ни одного человека, получившего образование вне стен Театрального училища имени Б. В. Щукина. Все они вахтанговцы-щукинцы. Немного грустно, конечно, что нас и их разделяет уже четверть века, а то и больше, но в жизни каждого человека, я убежден в этом, наступает такой период, когда не столько уже думаешь о собственном спектакле, сколько о том, как передать свой опыт и знания молодежи. Я сейчас очень много времени отдаю ученикам.

— Как же вам удается совмещать преподавательскую работу с творчеством? Ведь, насколько мне известно, вы возглавляете режиссерскую кафедру Театрального училища имени Б. В. Щукина, ве-

дете актерскую мастерскую во ВГИКе, Высшие театральные курсы в ГИТИСе и являетесь председателем экзаменационной комиссии...

— Не только это. Еще я веду собственный курс совместного обучения актеров и режиссеров. А потом, вот вы удивились, как я могу совмещать преподавание и творчество, — но я же ничего не совмещаю и с к у с т в е н н о. Занятия с учениками — это продолжение моей работы в театре.

— А ведь у вас еще огромная общественная нагрузка — вы член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР, депутат Моссовета, член Депутатского комитета защиты мира, председатель правления ЦДРИ, член президиума ВТО...

— Видите ли, я искренне считаю, что общественная работа — это не только форма служения стране, но и способ знакомиться с людьми, узнать их поближе. А это необходимо каждому творческому человеку. Разумеется, это никак не должно отражаться на жизни всего нашего коллектива и на репертуаре театра.

— Евгений Рубенович, вы заговорили о репертуаре. Мне представляется, что в репертуаре вашего театра можно условно выделить четыре направления — грандское, традиции которого восходят к революционной романтике постановок Евгения Вахтангова и Рубена Симонова (достаточно вспомнить «Интервенцию» Славина, «Конармию» Бабеля, «Фронт» Норейчуна); условно-театральное — блестящим спектаклем этого направления стала «Принцесса Турандот»; реалистические спектакли классического наследия, такие, как «Егор Булычов» и пьесы современных авторов, рассказывающие о жизни советских людей. — «Тринадцатый председатель», например. А в еще одну группу мне представляется целесообразным объединить «поэтические пьесы».

— Я рад, что вы выделили это направление в деятельности театра. Мы действительно очень давно мечтали осуществить постановку поэтической трилогии. Несколько лет назад была поставлена «Мистерия-буфф» Маяковского. Затем мы поставили никогда не шедшую на советской сцене «Розу и Крест» Блока. Кстати, в записях Блока, относящихся к 1913 году, есть строки о том, что ему все время звонит Вахтангов, которого Блок не знал, Блок не откликнулся тогда на зов Вахтангова. Это было трагическое недоразумение, потому что сам Блок говорил, что искусство начинается там, где в

веках встречается великое. Возможно, встреча Блока и Вахтангова дала бы нечто удивительное для истории русского театра. Встреча не состоялась. И должно было пройти много лет для того, чтобы мы осуществили эту давнюю мечту Евгения Багратионовича.

С Вахтанговым тесно были связаны, как известно, Завадский, Антокольский, Цветаева, Софья Голлидэй. Кружок Марины Цветаевой в основе своей состоял из тех же людей, что и мансуровская студия. «Маринин дом» в Борисоглебском переулке (ныне улица Писемского) и вахтанговскую студию многое связывало. Молодые актеры Третьей студии МХТ ходили от Вахтангова к Цветаевой. В нашем музее сохранились интересные стихи Цветаевой, посвященные Евгению Багратионовичу. И вот сегодня мы осуществили постановку произведения Марины Цветаевой «Три возраста Казановы». Цветаева сама читала «Казанову» Вахтангову, но эта вещь так и не была тогда поставлена. Появление на сцене Театра имени Евг. Вахтангова поэтической трилогии: Маяковский — Блок — Цветаева — представляется мне сегодня чрезвычайно важным.

— Евгений Рубенович, что вас особенно волнует сегодня, накануне вашего юбилея, что вы можете выделить для себя как главное в жизни, в творчестве?

— Особенно меня волнует все, что связано с нашим театром, с нашей школой, то, что насущно сегодня. Одним из таких вопросов является вопрос о студии. Мы давно мечтаем осуществить один из важнейших заветов Вахтангова, который всегда говорил, что идеальная форма существования будущего советского театра — это Театр-Студия — Школа. И вот создание такой студии, которая была бы промежуточным звеном между театром и школой, нас очень занимает. Парадоксально то, что сейчас, когда большинство театров обзавелось малыми сценами, мы, рудившиеся как студия, этой возможности лишены. Мне думается, что это должна быть именно студия, а не малая сцена, то есть такое место, где работают молодые актеры, молодые художники, молодые композиторы, — нечто подобное Третьей студии МХТ, откуда вышел Театр имени Евг. Вахтангова.

Мне шестьдесят... Естественно, в преддверии этого дня я пытался подводить итоги... Все мои последние постановки были своего рода отчетом. Но главным отчетом стал последний поставленный мною спектакль — «Полстраницы оперативной сводки», который театр посвятил 40-летию Победы. Мы задумали довольно сложное дело — сделать спектакль на основе книги Константина Симонова «Живые и мертвые» и параллельно — на основе книги маршала Г. К. Жукова «Воспоминания и размышления». Здесь интересно то, что одно и то же явление — операция под Ельней, — крупная наша победа в войне, — даётся глазами писателя и полководца. В этом спектакле заняты наши ведущие актеры — Ульянов, Лановой, Шалевич, Абрикосов, Этуш и другие. В нем наша любовь к Отечеству, память о живых и мертвых. В один из вечеров мы играли для участников войны. На этом спектакле безраздельно царило то особое духовное единение зала и сцены, ради которого, наверное, и существует театральное искусство.

Театр — это искусство единения. Театр — искусство, всегда устремленное в будущее. Театр может чтить память ушедших, Театр может прославлять живущих. Театр может предчувствовать будущее. Может — и должен. В этом его величие, в этом его могущество.

Беседу вел Александр ХАРЬКОВ